

История Одного Вопроса¹

В детективном романе «New Grave Word» сербского писателя Милоша Армича ныне проживающего в Загребе, действие происходит в части Косово контролируемой сербской армией. Сюжет романа развивается подобно сюжету телесериала «Коломбо»: В начале описывается убийство, затем выясняется, как оно планировалось. В конце мы узнаем мотив убийства. Фоном разворачивания этих трех блоков событий служит расследование, проводимое армейской полицией. Во время чтения этого, на первый взгляд обыкновенного и современного романа, читатель обнаруживает, что последовательность излагаемых события определена не литературным стилем, а описанием реального (для романа) времени: В «New Grave Word» события разворачиваются следующим образом - 4 июля такого то года происходит убийство. Затем, в следующем месяце, начинается планирование убийцами возможностей «чистого» убийства. После этого, в конце года, формируются желание и мотивы убийства. Эта реальная последовательность событий вуалируется от поверхностного взгляда в том числе и тем, что расследование происходит «правильно»: т.е. после обнаружения трупа открывается дело, назначается следователь, который ищет мотивы убийства и т.п. Армейский православный священник, чем-то похожий на отца Брауна Честертона, догадывается, с чем имеет дело. После этого, он только и ждет, когда начнется подготовка к убийству и когда сформируется мотив.

Следует отметить и конец романа Армича: Убийцы и их влиятельные покровители объявляют, что священник сошел с ума и собираются поместить его в психиатрическую лечебницу. Церковные власти Сербии обвиняют священника в ереси.

Известный аргентинский критик Оррандо Гарсия Лусиенде в статье «Signs of Future», исследуя влияние писателей южной Америки на литературу посткоммунистических стран, видит в этом романе Армича влияние Борхеса, Касаведы и Кассареса, но вместе с тем отмечает, что ни один из трех не делал такого смелого шага, как Армич, и предлагает такую же смелую интерпретацию

¹ Только для тех, кто интересуется философией

реальности: Вселенная, пишет Лусиенде, постоянно меняется. Меняется под влиянием сознания. Реальность, описанная в романе Армича, есть наш мир, который стал таким после того, как тексту, текстуре и текстотворчеству было придано главное и решающее значение. Это началось тогда, когда Платон начал писать диалоги, но стало явным в наши дни, когда все нарекли текстом и мир стал восприниматься как текст. Вселенная не повременила превратится в текст. Знаки текстурности и текста со временем проявятся более ярко. Превращение мира в текст, пишет Лусиенде, значит переход от хронологического развития событий к сюжетному развитию. Постепенно события нашего окружения начинают существовать в сюжетном времени².

В конце статьи Лусиенде отмежевывается от серьезности своей теории и объявляет роман Армича «New Grave Word» пародией на «Name of Rose» Умбетто Эко. По его теории, пишет Лусиенде, роман Армича может быть предшественником Эко, Честертона, Борхеса, Касареса и «Pulp Fiction» Квентина Тарантино – носителем основной идей их фантастических сюжетов. Тем более, что гражданская война, которую Борхес знает по воспоминаниям и преданиям, для Армича происходит в той среде, в которой он пишет «New Grave Word».

² Не могу не отметить родственность идей Лусиенде с идеями опубликованной в 50-ые годы в Тбилиси книги французско-язычного грузинского философа Коте Маргвелишвили «Сюжетное время и пространство экзистенции». Идея, которая разворачивается в этой книге и коренится в философии Мартина Хайдеггера, состоит в том, что время экзистенции начинает существовать только тогда, когда оно является сюжетным временем.

В 1998 году из Веймара, объявленной культурной столицей Европы 1999 года, донеслись два вопроса: «Освободить прошлое от будущего? Освободить будущее от Прошлого?». Эти вопросы, утвержденные как темы международного конкурса эссеистики, располагающего серьезным призовым фондом, а также полученные организаторами конкурса посредством университетских, научных и других сетей 2500 ответов и интерпретаций, превратились в мировые мыслительные проблемы.

Эти два вопроса рождают чувство *deja vu*. Но не по причине того, что подобные, так же или почти таким же образом сформулированные вопросы некогда ставились, что как бы туманно мы припоминаем.

Содержание этих двух вопросов (без вопросительного знака), говорит нам, что нужно преодолеть существующие дискурсы в нас и вокруг нас, что мы должны суметь перешагнуть через наше понимания бытия, что мы должны провести демаркационную линию между нашим прошлым и нашим будущим, и наконец, что в нас и в нашей среде есть возможность и необходимость осуществления этого. Это содержание впервые приняло реальные очертания в руках (в головах) французских просветителей, как программа и воля к действию направленные на выход из подросткового возраста³.

Мы не сможем найти прямые ответы на вопросы конкурса ни в одной из работ просветителей. Но те темы, которые мы впитали благодаря французскому просветительству, ясно указывают на существующую в их среде тотальную интенцию освобождения; на интенцию освобождения прошлого от будущего и будущего от прошлого.

Просветители не ставили непосредственно эти вопросы. Но они определили в утвердительной форме то, что для всех, кто решил написать эссе по конкурсной теме, превратилось в проблему мышления. Просветители заявили, что они должны освободить прошлое от будущего и наоборот, что для этого существуют условия и в этом есть необходимость.

Можно определить две основные темы, которые французские просветители привнесли в среду нашего мышления: Наука-история и знание-лабиринт.

³ Как позже сказал Кант

На рассвете нового времени наука определилась, как знание истории (возникновения и развития) предмета («Знание предмета значит знание его генезиса» Джон Локк). Соответственно, для существования науки были необходимы два компонента – предмет науки, как исследуемый объект, и метод, который исследовал бы историю этого предмета.

Первым, кто определил скудность (ненаучность) старой истории, или хроник, был Вольтер⁴. Целью написания истории, говорил Вольтер, должна быть история мира. Этим для истории определился предмет, который был достаточно общим (мир) и достаточно неизменным. Соответственно, история сделала один шаг для превращения в науку. Но для достижения этой цели нужен был метод. Определился и метод: История мира достигается и состоит из истории народов мира. Народами мира определились те общества, которые в то время были определены границами государств. Написанные истории народов мира в конце концов должны были составить историю мира. Этим определил Вольтер для каждой написанной истории предмет изучения – народ, нация – и положил начало мировой истории – написал «историю философии», теорию истории как науки.

Второй значительной парадигмой, которая определилась во времена просвещения, является универсальное знание, выраженное в виде текста, т.е. энциклопедия. Прежде всего, энциклопедией является система знания; определенное соединение составных частей, согласно которой, каждая тема частным и особым правилом связана с каждой другой темой. В этом, на первый взгляд неупорядоченном переплетении связей, пытливый взгляд обнаруживает и порядок и строгую направленность.

В этой системе можно потеряться, но «реально» выход всегда существует. Энциклопедисты, в отличие от предыдущей средневековой парадигмы знания, которая являлась случайным и иерархическим объединением⁵ разных знаний, привнесли идею знания, как системы. Кроме

⁴ Хроники определялись просветителями как история того или иного короля или князя; на этом и опиралось утверждение ненаучности хроник: предмет хроник (субъект истории – король, князь) после определенного времени менялся и зависел от случайностей.

⁵ Идея объединения знания существовала и в средние века. Но объединенное знание в средние века было персонифицировано и являлось уделом неординарных людей (Алберт Великий, Эразм Роттердамский). Желание и программа просветителей состояло в абстрагированном, научном изложении системы знания. Можно сказать,

этого, в этом «изобретении» осуществились программные слова просвещения «знание - власть» (Френсис Бэкон) – путем придания знанию образа лабиринта:

Гипотетическое рассуждение, связывающее знание и власть, можно представить следующим образом: Если знание объемлет и включает в себя вселенную и без него невозможно действовать рационально, и вместе с тем знание есть лабиринт, в таком случае наибольшую власть имеет тот, который хорошо знает пути этого лабиринта. Но простого знания недостаточно – лабиринт предлагает свою собственную игру. Слоняясь по лабиринту можно встретить такую связь (во время связывания двух или большего количества тем, т.е. неожиданный проход из одной темы в другую), которую создатели лабиринта даже не представляли себе.

Привнесением просветителями лабиринта в сознание, начал действовать новый закон, который, пока что можно назвать «принципом неопределенности». Иллюстрацией действия этого принципа послужит ситуация, когда следствием пересечения на один взгляд несвязуемых и нестыкующихся тем является странный феномен: поскольку мы осведомлены об его существовании, он выглядит как необходимый и сам собой разумеющийся. Но предугадать это не было никакой возможности. Это означает, что лабиринт начинает жить собственной жизнью.

* * *

Одной из таких само собой разумеющийся тем является национализм.

История-наука, которая оказалась в лабиринте, начала приносить странные плоды: то что в будущем должно было стать основой рациональности и разумности, превратилось в платформу для самых темных и иррациональных страстей, которые постепенно пронзили все сферы социального: от личных отношении, до политики. Внедрение истории-науки в лабиринт вызвало рождение национализма включая все его последствия.

Но это стало ясным только в конце XIX, в начале XX веков. Но вне зависимости от нашей осведомленности, рожденный в лабиринте принцип неопределенности не прекращал работать: Одним из порождений этого принципа является Маркиз де Сад. Исследование страсти и чувства, которые

цель просвещения состояла в унифицировании знания и превращение ее в доступное

должны привести нас к пониманию свободы – есть путь, на который встал Маркиз де Сад слоняясь в знании-лабирите и что в конце концов привело его к уникальному преступлению и к получению уникального наказания. Надо отметить, что в последствии, это преступление и это наказание потеряли свою уникальность и стали особенными. Но об этом чуть позже. Сейчас вернемся к главному инструменту освобождения прошлого от будущего и будущего от прошлого в XXVII веке – к национализму.

В результате включения науки-истории в знание-лабиринт и посредством принципа неопределенности возник национализм.

Прежде всего, виною этому было понятие нации, как субъекта истории, которую определила наука-история. Следствием этой новации было определение субъектом истории не конкретного человека, а общего единства. Может быть это и был удобный путь для формирования мировой истории, но опять-таки из за принципа неопределенности появилось довольно логическое желание исследовать происхождение этого субъекта, проследить его достижения, его биографию. Так как появившееся понятие нации эмпирически связалось с государством, этот субъект постепенно переполз в политику и превратился в одну из главных популярных тем обсуждения. Необходимость исследования биографии и прошлого нации, перенесла эту тему в области литературы и теории (в разные –софии и –логии).

* * *

Постепенно тематизация нации осуществилась на всех уровнях и превратилась в содержательную основу дискурса. Разумеется, произошла и тематизация чувств. Общая идея нации в конце концов приняла вид идеальной формы управления масс. Наверно, этот процесс лучше всего проясняет положение Алтюссера о том, что Философия (мышление – г.т.) вносит в политику науку, а в науку – политику. В конце концов национализм определился, как вклад науки (науки-истории) в политику, и как вклад политики в науку. Это произошло после того, как для политики государства стало необходимым утверждение превосходства одного субъекта истории над другим, и тем самым оправдание его политических и военных притязаний перед собственными гражданами.

для каждого, т.е. выработка знания-системы.

Принцип неопределенности, который приносит в знании-лабиринте такие плоды, по другому можно назвать **необходимостью неизвестного следствия**. Т.е. состояние, процесс, все параметры которого нам известны, но следствия, которые невозможно предугадать. В этом конкретном случае следствиями можно считать сегрегацию, черный и белый расизм, евгенику, фашизм, этнические конфликты⁶ и т.п.

После установления национализма, можно сказать, что в мире не существует ни одного государства, граждане и политики которого не осуществляли бы самоидентификацию посредством признания принадлежности к нации.

Программа, которую поставили перед собой просветители успешно осуществилась: они смогли освободить собственное прошлое от собственного будущего и наоборот; Просветители создали то настоящее, которое превратилось в границу сознания: прошлое уже не действовало на будущее, так как будущее конструировалось другими принципами и законами. Так прервалась связь между прошлым и будущим; прошлое уже не служило примером и моделью будущего. Европа, и вскоре весь мир, продолжили существовать по совершенно новым законам и принципам; образ нового мира определили две основные темы – новое понимание новой истории, т.е. новый субъект истории и новое понимание знания, т.е. знания, как системы наук. Следствие этих двух тем – новая политика – новый порядок самоопределения государства и гражданина, сыграли решающую роль в эмпирическом выражении освобождения прошлого от будущего и будущего от прошлого⁷.

⁶ Этнический конфликт ничто иное, как желание этноса, входящего в систему государства, превратится в субъект истории (другими словами обрести государство). Укрепление этого желания, как правило, происходит с помощью исторических аргументов и фактов материальной культуры.

⁷ Разумеется, имели место и другие компоненты, которые появились в новое время, или в конце средневековья. Но они только укрепляли измененную среду: Например, заново изобретенный в конце средневековья феномен карты; тема карты оказалась в знании-лабиринте. Соответственно, произошло проникновение карты в сферу политики. Политика изменила назначение карты и превратила из путеводителя в цель: Карта создала реальность, в котором положение границ государства происходит не на земле, но на бумаге проведением пунктира (здесь усматривается далеко идущая аналогия с небесами: что-то [здесь - установление границ] происходит не на земле). Этот пунктир со своей стороны легитимизируется «международным сообществом» (нанесением знаков на бумаге). Когда же начинается конфликт, Этнос, или нация,

То правило, в силу которого знание-лабиринт существует как организм и которое мы до этого называли принципом неопределенности и необходимостью неизвестного следствия, является политикой, которая, как тематичность, есть параметр нового времени. До того, политикой античного периода и средневековья была интрига. «Политику» этих периодов можно описать, как взаимоотношение королевских дворов, со стоящими во главе королями, когда целью всех остальных «политиков» было воздействовать на мнение этих королей и князей.

То, что рождается в знании-лабиринте, как принцип существования этого лабиринта и как основная гарантия превращения этого лабиринта в организм, есть политика. История-наука и знание-лабиринт впервые засвидетельствовали рождение политики, как всепронизывающей тематичности, политики, которая сделала возможным создание дискурсов и их взаимоотношений.

Осью политики является власть. Как показал анализ знания-лабиринта, власть является его функцией. Знание-лабиринт впервые сделал возможным обретение власти с помощью знания. Он впервые связал знание и власть. Впоследствии власть потеряла харизматичность и превратилась в достигаемое.

Политика есть то, что создается в знании-лабиринте на перекрестке тем. Не имеет значение то, что все перекрестки существуют потенциально. Значимо то, какой из перекрестков тем становится актуальным в моменте времени, какая тема становится актуальным для знания и существования знания-лабиринта⁸.

Главное, что в XVII веке освободило прошлое от будущего и будущее от прошлого, есть обязательная связь между властью и знанием. Власть превращается в продукт системы [знания]. Властью обладает тот, кто не только знает пути лабиринта, но может заставить поверить других, что он стоит в центре лабиринта. Тут знание-лабиринт указывает на еще один неожиданный аспект в этом на один взгляд рациональном мире [разума]: необходимая для

противопоставляют пунктиру карты землю, камень, церковь и таким аргументом пытается создать новый пунктир на мировой карте.

⁸ Поэтому, Маркиз де Сад, который являлся носителем темы чуть-чуть отличной от господствующей политики, был политическим заключенным и сидел в тюрьме как во времена монархии, так и во время республики. Это определялось тем, что его тема включала в себе власть, указывала на пути достижения свободы (главная тема тех дней) и вместе с тем представляла опасность для смежной темы, носителями которой являлись революционеры (нечего говорить об угрозе королевской власти).

власти вера и уверенность. Национализм был самой ясной и светлой идеей, которая указывала на центр лабиринта, на знание пересечения всех тем и направлений.

Еще одной заслугой лабиринта является утверждение необходимости чувственного. Вера, которая до того являлась гарантом стабильности государственного устройства и рая, превратилась в актуальный инструмент и стала необходимой частью правила существования лабиринта⁹.

Еще одной заслугой лабиринта в привнесении новых дискурсивных полей и параметров состоит в определении цели образования – бюрократии. Т.е. утверждение того слоя, который иерархически перераспределяет власть. В бюрократии лучше всего распознается природа этой новой власти – лабиринт. Бюрократия, новое тело которой создано для исполнения функции нити Ариадны – роли путеводителя – для тех, которые хотят выйти в центр лабиринта, или, просто прояснить для себя ту или иную направленность тем. Создание бюрократий, как нового тела, было обусловлено трудностью самого лабиринта, и необходимостью распределения знания, что впоследствии стало основой распределения труда.

Разумеется, после основания этого нового тела – бюрократий, ее аналоги появились и в Египте Фараонов и даже ранее. Но различие в точке отсчета – в семнадцатом веке, от которой история раскрылась в прошлое и будущее. Настоящее XVII века также определяет предыдущее время, как и нашу среду. Так же, как лабиринт начинается не от двери лабиринта, а от первого тематического пересечения, который возникнет перед входящим; от того места, от которого слоняющийся в лабиринте начинает углубляться в лабиринт¹⁰.

⁹ Миф о новом лабиринте наверно выглядит так: Минотавр не живет в лабиринте. Тезевс становится Тезевсом только после выхода из лабиринта победителем. Соответственно, Минотавр превращается в минотавра только после того, как Тезевс выходит из лабиринта. Т.е. мертвый меняет форму. Но проблема в следующем: как отличить Тезевса среди выходцев из лабиринта? Тут побеждает тот, кто убедит Ариадну, что он Тезевс.

¹⁰ Египтяне, Шумеры и Римляне не имели бюрократию. У них были классификаторы знаний – жрецы. Соответственно, если попытаться реконструировать парадигму существующую до нового времени, она должна называться «библиотекой», когда сложную систему расположения книг знает только библиотекарь. Знание этого расположения есть не власть, а способ и возможность быть у власти и стоять у власти, быть близко к харизме, к богу. Знание до XVII века являлось средством приближения к власти, средством близкого бытия к Богу-Царю. Поэтому, можно сказать, что знание во времена средних веков и античности было в меньшей степени практичным, чем в наше.

Просветители субституировали природу знания и власти. Присудили другое значение вере и ощущению. Так осуществился первый великий акт освобождения. Этим освобождением фактически началась история. Та самая история, которая рассказывает биографию власти и в которой участвуют нации и государства.

Реальность XVII века была той точкой, от которой начала отсчитываться история. Но не только та история, в которой мы жили до этого, но и прошлое этой истории. Фактически, началось новое **содержательное** летоисчисление, которое начало определять периоды прошлого. Это определение настолько точно заняло место в центре знания-лабиринта того времени, что разделение истории человечества на три периода (античность, средневековье, новое время) стало общепонятным и общепринятым. Только после начала истории стало возможным видение прошлого истории как системы и определить его место в знании-лабиринте.

* * *

История начинается не там, куда достигает глаз или щетка палеонтолога, но в XVII веке и она раскрывается в обе стороны – по направлению к прошлому и будущему. Именно так и произошло освобождение прошлого и будущего друг от друга. Следствием этого является и то, что наше легитимное (но не реальное) настоящее есть по сути дела среда XVII века. Каждый наш шаг направлен на будущее того настоящего и мы, во время рефлексии находим себя в будущем того настоящего.

Наше социальное бытие определяется основными темами, внесенными еще в XVII веке. В «социальном» я подразумеваю то легитимное бытие, которое дает возможность каждому индивиду быть гражданином страны и иметь как права и льготы, так и долги и обязанности, которые утверждены «международной общественностью». Темы знания-лабиринта, знания-власти и бюрократии лабиринта все еще работают и успешно производят структуризацию общества; Тема государства-нации по прежнему актуальна.

Это значит, что сегодня наша рациональность и самовосприятие, наши предрассудки определяются XVII веком. Также, те науки или направления,

Об этом говорит и обыденное гуманитарное сознание, которое заявляет, что наше

которые исследуют времена, существующие до нового времени, определены параметрами нового времени (включая деконструктивизм, который лишь противостоит этим параметрам).

Единственной легитимной реальностью, которая существует сегодня, и существовала последние три столетия, является среда XVII века. Та среда, в которой создавалась и, была рождена **новая политика**, как новая и различная **тематичность** власти. Которая, со своей стороны обусловила рождение новых тем (напр. национализм) и новых тел (напр. бюрократия).

Наша среда, в которой мы сегодня живем, есть будущее существующего три века тому назад настоящего¹¹.

* * *

В XX веке, после **политического поражения** одной из главных и центральных тем, после того, как выяснилось, что политика и национализм (т.е. существующая тематичность и конкретная тема) несовместимы, в брешах, которые появились после вычленения национализма из легитимного пространства, постепенно стало выползать нелегитимное пространство.

Нелегитимное пространство показывает странные ситуации: для примера можно привести трансформацию нового тела – бюрократии: бюрократия появилась, как путеводитель в знание-лабиринт. Но вместе с усложнением знания-лабиринта изменилась и природа бюрократии. Она превратилась в носителя тематичности лабиринта, или, в имеющую власть. Власть, которая имеется у бюрократии, существует только в лабиринте. Для бюрократии невозможно выйти из лабиринта и остаться у власти. Поэтому, в интересах бюрократии включить всю среду в лабиринт, или в знание¹².

Но суть власти ведь состоял в вынесении власти из лабиринта, т.е. в способности выносящего уверить Ариадну, что он Тезевс. Когда вся среда превращается в знание-лабиринт, происходит отождествление власти, т.е.

знание более **практично**. Т.е. в нашей среде **праксис** связался с властью.

¹¹ Но это касается лишь легитимной среды. Естественно, существует и нелегитимная среда (см. ниже).

¹² Этим можно объяснить содействие правительствами развитых стран на один взгляд непрактичным наукам (теория литературы, теоретическая физика, философия) – как интенцию все превратить в знание и включить в знание-лабиринт.

тематичности с темами и ее рассыпание-диссиминация. Создается ситуация, когда все участвуют и являются совладельцами власти, но ни у кого нет власти.

Когда после второй мировой войны стала ясной опасность одной из главных тем, само по себе началось растекание власти. Растекание-диссиминация власти значит аннулирование политики не как тематичности¹³, но как темы¹⁴: превращение ее в вездесущее и вездеприсутствующее. «Эпоху», когда политика определяла ситуации и положения, сменило время, когда всякие ситуации и положения превратилась в политику. Это растекание, рассеивание политики с одной стороны, и с другой стороны, превращение политики из общей тематичности в общую тему, положило основу нелегитимной среде, в которой нам сегодня приходится жить.

* * *

Растекание политики и власти снова начало приносить странные плоды: всеобщую институционализацию. Под институционализацией я подразумеваю разьяснимость и определяемость существующих в нашей среде поступков с одной стороны, и максимальное многообразие дискурсов и возможность движения сквозь них с другой.

Обе эти стороны обуславливают и определяют друг друга; сегодня в нашей среде невозможен поступок, действие или ритуал, который был бы **новым, указующим** на что-то новое. Всякий поступок настолько внимательно изучен, обработан и помещен в знание-лабиринт, что невозможно сделать что-то, не получив со стороны знания-лабиринта объяснение-аналог (психологический, социологический, политический, экономический, воровской, гомосексуальный, структуралистический, модернистический, постмодернический и т.п.). Можно сказать, что это и является **политикой** нашей современности, нашей среды: не оставлять что-либо вне знания-лабиринта, вне растекшейся власти; все включить в знание-лабиринт, даже то, что стоит довольно далеко от того, что в повседневности зовется политикой.

¹³ Как это было до того – после XVII века политика, как принцип, как тематичность, участвовала в определении всего и переносила все в плоскость политики.

¹⁴ Т.е. когда все вопросы превратились в политические – национальные, литературные, общения с людьми других национальностей или рас, экономических взаимодействий, сексуальных меньшинств, участия в организациях гражданского общества и т.п.

Именно поэтому в нашей среде поступки Маркиза де Сада попали в полицейские хроники и в дневники психоаналитиков, с соответствующими объяснениями и квалификациями. Наказание (пожизненное заключение) стало таким же банальным и статистическим, как поступки де Сада. Это значит, что в нашей сегодняшней среде невозможно выйти из Хейдеггеровского ман-а (из массы и каждодневной определенности) посредством поступка. Т.е. невозможен эпатаж. Отшельничество и оргия такая же обыкновенность, как agenda конференции с Coffee-break –ами и в конце с reception. Более того, на фоне этой неразличимости и невыделяемости, всякий поступок, который существовал когда-либо, возможен сегодня, и наверно, где-то, рядом с нами, уже осуществлен.

Основа специфичности нашей среды лежит в знании-лабиринте: в истории можно найти аналог и дубликат каждому поступку и поведению. Средства для этого предоставлены нам различием и многообразием дискурсов, которые предлагают нам бесконечную возможность объяснения и толкования. Сегодня восстание, бунт уже не представляют из себя освобождение от рутины и общепринятости. Единственное, что может сделать бунтарь, это переход в другую дискурсную группу, которая более соответствует его бунтарскому поведению. Если ему опять захочется бунтовать, - снова поменять группу и т.д. Сегодня принципиально невозможен новый поступок, новое поведение, которым наша среда не изыскала бы соответствующее обрамление и группу сочувствующих. Более того – оппозиция государственному правлению, которая в течении веков была уделом единичных людей и считалась интеллектуальным бунтом, сегодня институционализировалась и превратилась в “гражданское общество” (нечего говорить о политической оппозиций). Разговор о неправительственных организациях и действиях уведет нас в сторону от темы, но всеобщая структуризация общества, частью которой является создание гражданского общества в государстве, явно участвует в растекании-расплывании власти и является следствием бюрократии-лабиринта.

* * *

Сегодня мы живем в «апокалиптической ситуации»: всякая идея, теория, учение, которые когда-то существовали на протяжении человеческой истории,

восстали из мертвых и заняли место в нашей среде: причиной этого могут быть два случая:

1) Вычленение национализма из легитимной среды¹⁵, что, со своей стороны вызвало дискредитацию центральной темы как таковой, с одной стороны, а с другой – как сознательный, так и бессознательный (необдуманый) поиск новой темы (новых тем). 2) Вытекающее из вычленения национализма из легитимного пространства и дискредитации центральной темы, нейтрализация управления, менеджмента.

После этого, началось освобождение бюрократии от идеологии, и выработка нескольких обязательных требований для новых идеологий: она (идеология) не должна угрожать основным принципам прав человека, не должна угрожать безопасности страны и т.п. Англо-саксонская юриспруденция в большей степени, немецкая в меньшей, но все же, может обоснованно заявить, что государственной безопасности ничто ни грозит кроме явной агрессии и явных действия, направленных против государственного устройства. Соответственно, не существует ни одного текста, который прямо указывал бы на опасность. Значит, можно восстановить любой текст и создать любой дискурс¹⁶.

Так родилась возможность воскрешения всякого дискурса и создания многообразной дискурсной действительности.

¹⁵ После второй мировой войны стало ясно, что больше невозможно обосновывать существование легитимного пространства на центральной теме (национализм - исходящий из нового субъекта истории – нации). Поэтому произошел отказ от центральной темы, но феномены, порождаемые этой центральной темой (государство, нация, легитимные способы самоидентификации) остались прежними.

¹⁶ И это не только литературная фантазия. Сегодня может существовать сторона, где у производимой вещи действительно будет непоколебимая себестоимость, которую ничто не сможет изменить (Маркс). Любой менеджмент, который будет опираться на тот факт, что [себе]стоимость этой вещи должна определяться рынком, т.е. экономическим отношениям граждан, не будет работать, разрушит и приведет к кризису социально-экономическую систему этого края.

Мы должны учесть и то, что если до второй мировой войны существовавшее в некоторых странах скрытое (или явное) рабовладчество считалось отсталостью и позором, сегодня эта проблема в принципе не беспокоит легитимность. Улаживание этой проблемы перешло в руки неправительственной бюрократии – неправительственных организации. Не только из за того, что у государства есть другие, более значительные проблемы, но и потому, что «Та система тоже имеет право существовать, носители того дискурса тоже должны быть». Тем более, что рабовладчество явно не угрожает безопасности тех государств. Наконец, существует постмодернистический ответ на эту проблему, который указывает на возможность раба бежать.

Но интересное в этом процессе то, что желание оставить принципы управления нетронутыми, определило относительное многообразие дискурсов управления: тенденция отделить и защитить управление от идеологии и оставить идеологию только в партийных полях, в некоторых странах (особенно в странах бывшего советского союза, где неидеологическое управление не было традиционным) вызвала к жизни доисторическую (т.е. до XVII века) традицию: появились харизматические лидеры, а место политики заняла интрига. Но, можно сказать, что сегодня ни одна страна не застрахована от воскрешения этих традиции: власть размыта в руках бюрократии, а это тело бюрократии настолько связано и соединено с легитимным обществом, что постепенно тотально создастся ситуация, когда правительство (президент, парламент, муниципалитет) будет избираться бюрократией и только бюрократией¹⁷. Будет избирать тот, кто заинтересован в итогах выборов и в системе управления страны, тот кто видит и чувствует в системе управления самого себя и воспринимает ее как свою среду. В этой среде, т.е. среди тех, кто соучаствует в размытой власти, выбор кандидата может осуществиться присуждением ему-ей знака харизматичности.

* * *

Немного раньше того, как выяснилась несовместимость темы и тематичности¹⁸, содержание конкурсного вопроса, только на этот раз, украшенное вопросительным знаком, прозвучало еще один раз. Этот вопрос, который повторял содержание программы просветителей, но с картезианским сомнением, выглядел так: «Является ли время горизонтом бытия?»

Этот последний вопрос «Бытия и Времени» Мартина Хайдеггера является осью его философии, хотя иногда, изменяется до неузнаваемости. Иногда он преподносится как вопрос «Возможно ли преодолеть метафизику?», иногда – разговором с японским философом о природе языка, иногда – феноменологическим анализом проселочной дороги.

Вопрос, «Является ли время горизонтом бытия?» должен раскрыться следующим образом: Является ли то понимание бытия, та парадигма или тот

¹⁷ бюрократия в самом широком понимании – включая в себе репрезентаторов организации гражданского общества.

¹⁸ Т.е. национализма и политики

архетип мировоззрения, который характеризует нас (которому заложил основу Платон и в котором мы живем) единственным и непреодолимым для нас? Или, возможно другое понимание другого бытия, которое предоставит нам возможность жить в другом времени (аион)? Или, иными словами - можем ли мы освободить наше будущее от нашего прошлого, а наше прошлое от нашего будущего? Можем ли мы обустроить нашу среду, нашу жизнь и наше миропонимание по другому?

В те времена, когда Хайдеггер ставил этот вопрос, эта тема не была актуальной политически или интеллектуально и ее появление можно объяснить доведением феноменологии до конца. Но вскоре, когда все увидели, что представлял собой национализм, когда Хайдеггер больше не являлся ректором Фрайбургского Университета, когда для него стало понятным, что есть результат нашего времени, или, нашего понимания бытия, этот вопрос для него изменил форму и превратился в несколько вопросов о необходимости преодоления метафизики и поиска путей этого преодоления. «Метафизика» для Хайдеггера этого периода уже значила то, что он раньше называл «временем» - пониманием бытия - тем, что являлось основой нашего бытия и Dasein-a.

Хайдеггер впервые поставил вопрос о **возможности** освобождения прошлого от будущего. Хотя сам он, в конце концов, на этот вопрос, т.е. вопрос о возможности преодоления метафизики, ответил отрицательно (три лекций о метафизике). Он заявил, что 1) наше время, наше понимание бытия есть горизонт бытия, т.е. та единственная конструкция, парадигма, идея, постичь которую и жить в котором мы можем; 2) мы не сможем преодолеть метафизику, так как снова окажемся в метафизике.

После этого, разочарованный Хайдеггер (голос фюрера и вправду оказался голосом бытия) начал поиск путей преодоления на востоке, но это – уже тема Хайдеггероведения (Heideggerlehre - Heideggerleere).

Для этого исследования значимо вступление в историю сознания конкурсного вопроса как такового. Интенция Хайдеггера найти выход из существующего понимания бытия, из центрального дискурса, освободиться от установленной последовательности эпистем, значительно определила в будущем как постструктурализм (Фуко) и деконструктивизм (Деррида), так и новый эмпиризм (Рорти).

Постановка Хайдеггером вопроса вызвала подобное вычленение основной темы, как из интеллектуального пространства, так из политики. Это вычленение окончательно определило дискурсное отражение состыковки и перекрывания друг друга легитимными и нелегитимными средами;

Хайдеггер создал прецедент того, как возможно открыть путь нелегитимным темам, т.е. вызвать расплывание власти и источника власти, отказавших от центральных тем центрального дискурса (в этом случае – немецкой классической философии и феноменологии), и все таки оставаясь в границах этого дискурса. И этим еще более расширить сферу, ареал распространения знания-лабиринта: [однажды] дать возможность тому, что до того считалась побочным и маргинальным (напр. языки Джорджа Батай), проникнуть в легитимное пространство через зияющие прорехи вычлененных тем.

Именно таким образом постепенно произошла гармонизация интеллектуальных и социальных пространств, т.е. было снято то противоречие, которое должно было существовать между “идеей” и “материей”. В следствии этого мы получили мир, который можно охарактеризовать, как шизофренический (ситуация, когда не существует разницы между вымышленным и реальным, когда они в гармоничном согласии и отражают друг друга)¹⁹.

Всю философию Мартина Хайдеггера можно описать, как исследование возможности освобождения прошлого от будущего, и будущего от прошлого. То, что сам Хайдеггер ответил на этот вопрос отрицательно, не имеет значения для нашего исследования: **Главное то, что факт исследования освобождения прошлого от будущего и будущего от прошлого, имел место спустя три века после осуществления этого освобождения.**

* * *

Сквозь зияющие дыры легитимной среды проглядывает нелегитимное пространство. Это пространство наполнено чипами и другими продуктами информационных технологий. Возможно, что новые технологии и сети и есть те единственные связующие звенья, которые удерживают эти две реальности и не

¹⁹ Что и описали Делез и Гватарри в своем двухтомном труде.

дают им уплыть в разные стороны в бездушное (безвластное) пространство – в вакуум.

Сеть, которую создают новые информационные технологии, есть новая сеть реальности, которая постепенно реально, а не метафорический, объемлет мир. Эта сеть, связками которой являются компьютеры, модемы, глобальные и локальные сети, все больше и больше выглядит, как единственная реальность. Одной из причин этого может быть и то, что наша легитимная реальность, которая является основой всеобщей институционализаций, из за вычленения центральных и легитимных тем, все больше и больше выглядит, как сеть.

Эта сеть создает новый слой, по другую сторону которого постепенно маскируется легитимная реальность. То, что информационная сеть становится «материальной» («материальной» до такой степени, что покрывает легитимную реальность), есть лишь действие на благо этой легитимной реальности. В этом случае легитимная реальность преобразуется и ведет себя как **основа**. Членами сети становятся каждый из нас. Эта сеть также содействует связи организации гражданского общества. С помощью этой сети происходит передача и получение любой жизненно важной и не очень важной информации²⁰.

Легитимная среда и ее атрибуты, такие как государство, полиция, армия, и т.п. постепенно исчезает за все более мельчающими клетками сети. Возможно, что они станут скоро совсем неразличимы. Но это более укрепит их позиции. Во всяком случае одно ясно: Легитимные и нелегитимные среды меняются местами. Создается впечатление, что нелегитимная среда вылезла, как расплзающееся тесто и перекрыла легитимный слой. Постепенно симптомы этого «перекрывания» становятся очевидными: все более и более происходит явное размежевание, и скрытое стыкование включенных в политику и **других** (нелегитимных акторов – хакеров, новых хиппи, путешественников и т.п.). **Другие** все более и более втягиваются в знание-лабиринт [бюрократии]²¹.

* * *

²⁰ И не только это, с помощью сети можно полноценно жить, ни отказывая себе ни в чем.

²¹ Исходя из того, как большинство хиппи 70-ых годов оказались в уважаемых государственных организациях, можно сказать, что путь хакера ведет в НАСА или ЦРУ.

Пора вернуться к Веймарскому вопросу 1998 года: «Освободить прошлое от будущего? Освободить будущее от прошлого?».

Как показало исследование вопроса, сперва осуществилось содержание этого вопроса, потом исследование осуществления этого содержания. А сегодня, рядом с нами и для нас, этот вопрос прозвучал полностью: в нем воплощены, как конечная программа, которая реализовалась в XVII веке, так и вопрос о возможности осуществления этого содержания, который был поставлен в первой половине двадцатого столетия.

Такое положение дел указывает на то, что рассматривать описанный выше процесс можно двояко: первый вариант традиционный, т.е. хронологический; хронологическое описание расскажет нам, что впервые освобождение прошлого от будущего и наоборот осуществили французские просветители²². После, когда опасность и ущербность нового мира, понимания бытия стали явным, похожую программу наметил Мартин Хейдеггер, который поставил отрицательный диагноз преодолению бытия. Сегодня, когда становится явным надобность тематичности и центральной темы, еще один раз ставится вопрос об освобождении прошлого от будущего, и будущего от прошлого.

Хронологическое рассмотрение вопроса предлагает нам исследовать возможность преодоления понимания бытия. соответственно, ответ разворачивается в двух направлениях: один ответ состоит в том, что преодоление возможно, и в этом случае мы должны получить социо-философско-политико-эстетического модель, которая укажет нам на пути ведущие к новому пониманию бытия, а на другом полюсе окажутся те ответы, согласно которым в нашей среде невозможно освободить прошлое от будущего и наоборот, и та ситуация, в которой мы живем, является концом истории (по Кожеву и Фукояма), что мы вынуждены вечно жить в мире, в котором потеряна тематичность и в котором имеет место многотемная среда. Эта среда, в соответствии с углом зрения и обстоятельствам, примет либо вид нового средневековья (Еко) либо укажет нам на необходимость искания и понимания Другого (Левинас).

²² Либо, Платон посредством «Мифа пещеры», либо кто-то другой.

Ответ, к которому подталкивает нас хронологическое рассмотрение, неизбежно попадает в сферу социо-политико-экономико-эстетического прогнозирования. Хронологическое рассмотрение, которое является основным способом рассмотрения нашей среды, увешано такими ответами. Именно из за хронологического рассмотрения появился самый распространенный предрассудок нашего времени, который называется «концом истории» и исходя из которого интеллектуальную историю двадцатого века можно назвать «Хроникой Откровения Иоанна».

Вторым путем рассмотрения является сюжетное рассмотрение, которое повествует, что случай, изложение которого началось в семнадцатом веке, закончился сегодня, рядом с нами. Т.е. закончился сюжет преодоления. Такое рассмотрение указывает нам, что в нашей среде не существует дороги по ту сторону конкурсного вопроса, что «реально» мы ориентированы не на наше хронологическое будущее, а на наше хронологическое прошлое, т.е. на то время, когда французские просветители осуществили акт большого освобождения. Сюжетное рассмотрение, которое предлагает нам, что сперва был поставлен вопрос в конце двадцатого века, потом, в начале этого же века произошло исследование возможности осуществления-неосуществления этого вопроса, а в семнадцатом веке произошло это освобождение, подталкивает нас к социо-политико-экономико-эстетическому ответу, только этот ответ из за современных сетей, исчезновения телатичности и состыкованности легитимно-нелегитимных сред слоняется (как маятник) между возвращением тематичности и нетематичным, многотемным существованием.

Возвращение тематичности значит воскрешение политики, как тематичности: т.е. попытку снова найти центральную тему, которая свяжет нашу инфляционную²³ среду и вернет расплывшуюся и рассеянную власть. Не трудно догадаться, что такая модель принципиально неотличима от среды семнадцатого века после освободительного акта просвещения и что интенция возможного ответа возвращает нас в наше хронологическое прошлое.

Утверждение нетематичного существования означает признание того, что невозможно возвращение тематичности и центральной темы, и что мы

вынуждены оставаться в харизмавозвращенной бюрократии-лабиринте, с множеством центров и направленностей. Такое существование, как справедливо замечает Умберто Эко, походит на средневековье и является выбором того места, которая и хронологический, и по сюжету стоит до семнадцатого века.

Это есть две точки, между которыми мечется ответ, если рассмотрим конкурсный вопрос и его возникновение сюжетным видением.

Как видим, результаты хронологического и сюжетного рассмотрений не дали большой разницы. Но это только в том случае, если мы привязаны к предрассудку, согласно которому ответ на этот вопрос лежит в социо-политико-экономико-эстетической плоскости, согласно которому ответом на этот вопрос является выработка социо-политико-экономико-эстетической модели.

Но сюжетное рассмотрение указывает на одну значительную идею: если мы допустим существование фантастической идеи, по которой освобождение прошлого от будущего и будущего от прошлого развились в сюжетном времени, увидим, что пути по ту сторону конкурсного вопроса не существует.

Сюжетное рассмотрение указывает только на наше прошлое и больше ни на что. Эта интенция со своей стороны говорит о том, что ответ на вопрос, который лежит в социо-политико-экономико-философско-эстетической плоскости, не означает ничего нового, и что если мы подчинимся этой интенции, всегда будем метаться между моделями выработанными в средневековой и семнадцатом веке.

* * *

Единственное, что мы можем сделать из за скудности социо-политико-экономико-эстетического ответа, есть создание такой «модели», которая даст нам (и другим) возможность увидеть с другой точки то, что стоит по ту сторону нас, как персонажей сюжета и последнего вопроса этого сюжета – конкурсного вопроса. Но какой должна быть эта модель?

Насколько возможна выработка политической и социальной рецептуры? Составление лекарства (фармакона) который обязательно превратится в отраву? Когда лечение посредством лекарства обязательно превратится в отравление?

²³ Инфляция не в экономическом, а в физическом смысле, когда инфляция космоса

Насколько продуктивным будет раскрытие мысли и мышления в этом направлении, когда мы всегда стоим перед опасностью очутиться в уже сказанном и воскрешенном?

Вопрос «Освободить прошлое от будущего? Освободить будущее от прошлого?» в нашей среде сам собой указывает на то, что ответ должен быть социо-политико-экономико-эстетическим анализом и прогнозом, что ответ должен уместиться в границах социального, политического, литературного мышления. На фоне тех опасностей, к которым мы подошли, это сама собой разумеющаяся указуемость является подозрительной. Насколько возможно найти такой ответ, который не оставит нас слоняющимися между уже осуществленным средневековьем и уже случившимся преодолением (уже измененной парадигмой)?

Найти ответ, который будет вращаться в социо-политико-литературно-экономическом дискурсе и вместе с тем выведет нас по ту сторону трехвековой истории, которая начинается в 1998 году конкурсным вопросом и кончается прорывом, осуществленным в XVIII веке просветителями, невозможно. Тот дискурс, который говорит о парадигмах и эпистемах, порождает идею конца истории и производит археологическое исследование окружающих нас «феноменов», создает экономические, литературные и политические прогнозы будущего, обуславливает тексты преодоления бытия, целиком обитает в той истории и является продуктом того сюжета, который очертила, связала и сформировала постановка конкурсного вопроса.

Ответ, который будет освобождением и ускользанием от поставленного вопроса и оконченного сюжета, мы должны искать в той затемненной и репрессированной сфере, которая всегда признавалась дополнением онтологии и основной философии и которая никогда не имела самобытной ценности и самостоятельного происхождения.

Поле, где может обитать «ответ», есть этика. Но не та этика, которая соответствует конкретной парадигме и дискурсу. В этом случае она будет всего лишь дискурсивным продуктом и так же уместится в существующей истории, как гипотетические политико-социо-экономическо-философско-литературные ответы. Я подразумеваю не ту этику, которая призывает каждого конкретного

означает расширение и удаление составных частей целого друг от друга.

человека исполнить общий императив, только потому, что **в этом дискурсе и в этом понимании бытия** поведение должно быть таким. В этом случае, как и в самом последовательном экзистенциализме теряется конкретное **я**, с конкретным именем и фамилией, конкретное **ты**, тоже с конкретным именем и фамилией, и конкретное **он/она**, тоже с конкретным именем и фамилией²⁴.

Отказаться от репрезентативности философии и вообще мышления, увидеть то, что располагается по ту сторону конца нашей истории (**т.е. после окончания нашего сюжета**), возможно только такой этикой, которая впервые за ее существование, станет самобытной и не будет вытекать ни из одной парадигмы-дискурса-эпистемы. Если эта цель осуществится, она автоматически будет направлена на конкретные **я, он, она, ты**, с конкретными именами и фамилиями, потому, что другого пути просто не останется.

Как мы уже видели, конструирование такой этики возможно начать отказом от репрезентативности мышления и от парадигмы-дискурса-эпистемы.

Репрезентативность мышления и наша парадигма-дискурс-эпистема указывает на многослойный мир с множеством центров. Сегодня, как было отмечено выше, в нашей среде можно наблюдать все (или почти все) идеи, теорий и группы, которые существовали на протяжении «биографии» человечества²⁵. Каждый имеет возможность найти собственную группу, где он будет чувствовать себя уютно и комфортно. Эта ситуация целиком принадлежит парадигме и дискурсивности нашего времени. Каждая из этих групп имеет собственную этику и эстетику²⁶.

Этика, которая будет направлена на отрицание этого положения, этой ситуаций, должна подразумевать ее аннулирование, т.е. аннулирование

²⁴ Экзистенциализм и экзистенц-философия, которая, действительно, начинает говорить о Да-заин-е, все же не преодолевает общую природу закона и описания: разговор о Да-заин-е, как о конкретности, все равно представляет нам не что-то или кого-то конкретного, но представителя этого конкретного. Эту ситуацию, т.е. фатальное невнимание к конкретному человеку, который имеет конкретное имя и фамилию, не спасает и введение Левинасом **Другого**: эта онтологическая этика все же является следствием многополярности и отсутствия центра, вычленение основной темы и информационной сети.

²⁵ Я умышленно употребляю слово «биография», так как она указывает на движение вперед в линейном, циферблатном времени. «История» отличается от биографии тем, что является событием (или комплексом событий), что необязательно излагать последовательно в линейном времени.

апокалиптической воскресших групп и идей. Но, аннулирование не в смысле уничтожения.

Эта этика, которая пытается увидеть путь существующий по ту сторону конкурсного вопроса (т.е. после окончания сюжета), указывает на упразднение многоцентричности и многоидейности, отнятием у них значения (центра). Для конкретного **я, он, она, ты** это отнятие должно выразиться в максимальной смене различных групп (идей), когда не фиксируешься в одном центре и переходишь в следующий, затем в третий и т.д.

Этим путешествием отменяется «центр», так как бытие в центре теряет смысл. Этим путешествием отменяются «идея» и «теория», так как они теряют твердость и конкретных последователей, из за постоянной смены этих последних.

Несмотря на то, что из за вычленения главной, основной темы мир стал многоцентровым и многодискурсным, для конкретного человека ничего не изменилось: он/она все так же делают выбор и все так же попадают под влияние и диктат центра. Отличие только в том, что центр раньше был одним, а сейчас их множество.

Новая этика, которая призывает к максимальному изменению, может симулироваться быстрой сменой мест в одной группе и в сфере одного центра. Именно здесь возникает тема этичности – выбор между этичным и неэтичным поведением.

Эта новая этика, которая, в отличие от старой, ни к чему не обязывает отдельных конкретных людей и не принуждает их иметь одну цель (как в случае с категорическим императивом Канта), дает возможность конкретному человеку, какому то X Y-ку, самому избрать собственный путь, самому решать, где оставить собственный след, и никто не будет оценивать его поведение в свете этичности-неэтичности кроме его/ее самого.

Стимул, который подтолкнет его действовать по новой этике, тоже не будет являться отражением стимула старой: действующий по новой этике не сможет заслужить уважение не только бога, но и других людей, с одной

²⁶ «Эстетика» не по Баумгартену, а по значению греческого слова (аистезис – след, отпечаток), т.е. тот путь, который должен пройти индивид чтобы попасть в дискурсивность.

стороны из за быстроты смены различных групп, а с другой стороны из за различности людей, с кем ему придется иметь дело во время путешествия.

По новой этике стимул может быть только одним: решение жить единственно возможной жизнью, которое именно во время такой жизни выведет его/ее по ту сторону парадигмично-дискурсивности и даст ему возможность не попасть в плен какого-то центра.

Новая этика является тем единственным путем, по которому возможен **поступок**, т.е. преодоление и освобождение от шизофреничности и man-a.

Главной заслугой новой этики является невозможность проверки. Т.е. невозможность достичь чего-то **общественного**, следуя ей. Не существует, и не будет существовать точка отсчета, от которой будет возможным проверить поведение по новой этике и вынести приговор. Проверка поведения и приговор этического поступка будет зависеть только от того, кто решит действовать по новой этике²⁷.

Главное то, что сегодня возможно действие по этой этике; сегодня существуют условия для того, чтобы человек, принявший решение, смог начать путешествие среди групп и идей (возможность этому дает то метание между средними веками и времению просветителей, описание которого мы дали выше).

Только в этом случае его действие превратиться в историю, поступок, событие и не будет больше ритуалом. Только в этом случае станет возможным для человека изменить Da sein так же, как меняется сознание – без конфликтов²⁸. Из за того, что существующие теории и группы для человека,

²⁷ На возможность осуществления новой этики указывает и то, что похожее действие мы можем наблюдать и в прошлом, и в нашей среде: такой активностью является подростковое путешествие для обнаружения самого себя, и движения хиппи. Но в этих случаях, как правило, эта активность прекращается обнаружением желанной группы и приемлемого социального места. Главным принципом нового этического «императива» является **принципиальная** непрекращаемость движения, что лежит в пределах решения «нового этического субъекта».

²⁸ Тут я должен отметить, что конфликт сознания, т.е. сrefлексированные сложные конструкции (тезис, антитезис, я и не-я и т.д.) ничто другое, как простое и предрассудочное перенесение несовместимости материальных, твердых конгломератов на плоскости сознания. В самом сознании и истории идей нет ничего такого, что указывало бы нам на существующий в сознании конфликт идей. В самом сознании изменения происходят без противостояния и «крови». Там не существует написанных и защищенных ариями идей. Конфликт сознания и конфликт в сознаний есть литературный способ, который описывает проистекающий в сознании процесс превращения в другое.

принявшего решение, потеряют значение, в этом человеке не произойдет конфликт, связанный со сменой интеллектуальной и физической позиций.

Что касается решения: это решение, которое должен принять конкретный Х У по новой этике, является последним возможным видом решения. Это решение сможет вывести его по ту сторону начала той истории, которая начинается постановкой конкурсного вопроса и уводит нас в семнадцатый век; сможет вывести его по ту сторону того сюжета, который заканчивается постановкой конкурсного вопроса.

Новая этика не обещает принявшему решение ни рай, ни земную славу. Она обещает только одно: настоящий поступок, что значит выход по ту сторону истории и сюжета, участниками которых мы все являемся. Этот выход для каждого, принявшего решение, будет **другим**.

С другой стороны, в случае популярности этих идей, возможно их формализация и помещение в CV. Но группа, в которой будет возможным формализовать эту этику, является «центральной», легитимной бюрократией. Смена и отказ от этой группы со стороны того, кто принял решение, так же отнимет значение у этой бюрократии, как и у любой другой группы.